

МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ

Что есть наша жизнь — нам кажется, что мы всё о ней знаем, но у каждого она своя. А что ждёт нас после жизни? Неизвестно. Граница между жизнью и тем, что лежит за её пределами, есть смерть. Этот переход страшит людей. Не случайно священников приглашают к умирающим, чтобы облегчить переход души в мир иной.

Утром выходного дня всегда хочется поваляться в постели. Моя подруга Наталья на кухне варила кашу. Пора подниматься, но в очередной раз откладываю подъём ещё на пять минут. Вдруг чувствую, что резко парализовало правую сторону лица. Несколько минут лежу не двигаясь. Потом пришло ощущение, что вроде отпускает. Подошла Наталья, позвала завтракать.

— Сейчас не могу.

— Что случилось?

— Вызывай скорую. Они разберутся.

Решил не вставать с постели. Спустя десять минут после первого приступа случился второй, и опять — в правой части

головы. Через некоторое время отпустило. Приехала скорая. Женщина-врач, осмотрев, сказала своим помощникам выносить меня на носилках в машину.

Возмутился:

— Я ещё достаточно молод, хоть и некрасив, и могу идти самостоятельно.

Два медбрата, держа меня под руки, сопроводили до машины. Там мне приказали лечь.

Я сопротивлялся:

— Не буду ложиться, рано хороните.

Так и ехал сидя. В машине врач предупредила, что в приёмное отделение повезут на каталке. Я продолжал капризничать, как избалованный мальчик. Когда скорая подъехала к больнице, выскочил из машины и пошёл. Но меня повело влево. Возможно, и упал бы, но меня подхватили, насильно уложили на каталку и повезли в приёмный покой. Там я опять раскапризничался, после того как врач сделал заключение:

— В палату.

— Я не могу лежать в больнице — мне завтра нужно на работу. Давайте вашу бумагу, я распишусь, что отказываюсь от лечения.

Но меня уже везли по больничному коридору. Завезли в палату к инсультникам и уложили на крайнюю кровать. Надо мной склонились два врача. Один говорит другому:

— Васильич, давай его ко мне в реанимацию, у меня свободные места есть. Смотри, у него всё лицо перекошено.

Меня эти слова взбесили:

— Да ты посмотри в зеркало на свою морду, у тебя не лучше.

Он пытался успокоить:

— Тебе в реанимации будет лучше, ты будешь под постоянным наблюдением врачей.

— Нет, не поеду никуда, мне и здесь хорошо.

— Ну почему ты возражаешь?

— Да потому что придёт другой врач и скажет: «Давай его ко мне в морг. У меня места освободились».

Со мной уже не спорили, оставили в покое. Наталья меня сопровождала до больничной койки. Мне стало стыдно, ведь она видела все мои капризы, и я попросил её идти домой, сказав, что хочу спать.

Обеды раздавали с тележки, которую перевозили от палаты к палате. Больные сами носили тарелки к своим прикроватным тумбочкам. Я взял тарелку супа из рук раздатчицы, не смог удержать её, и весь суп пролился на пол. Вместо того чтобы отругать, раздатчица сама поставила обед на тумбочку. В дальнейшем еду приносил Виктор, мужчина лет пятидесяти, лежащий на койке у окна.

Молоденькая врач, обходя больных в палате, остановилась у Виктора. В это время возле него сидела жена. Она в резкой форме обратилась к врачу:

— Я привезла сюда говорящего мужа. А пройдя курс лечения, он перестал говорить.

Виктор, жестикулируя, пытался что-то сказать, но было ничего не понятно. Только чётко произнёс одно слово «бл...дь». Я понял, что он ругает докторшу.

— Я, кроме «блэ», ничего не разобрала, — интеллигентно ответила ему девушка.

И тут жена Виктора выдала такую тираду в адрес больницы, что мне захотелось разрядить ситуацию и помочь своему кормильцу.

— Виктор, — обратился я к нему, — а ты можешь произнести «е...ёна мать»?

И он чётко повторил это распространённое ругательство.

— Вот видите, доктор, эти слова он произносит прекрасно. Я дарю вам медицинский аспект. Вы можете на этом получить учёную степень: Виктору надо говорить одни только ругательства, и постепенно вставлять между

ними короткие слова из обычной речи. Так и научится говорить.

После моих слов Виктор и его жена успокоились, видимо, решив, что ещё не всё потеряно. Через два дня его выписали. Через три дня выписали и меня. Оформляя больничный лист, я встретил в коридоре жену Виктора. Подошёл и спросил о здоровье мужа. «Вчера Виктор умер» — для меня это прозвучало как гром среди ясного неба. Он же за мной ухаживал и стал для меня близким человеком.

От больницы я пошёл на троллейбусную остановку. На пути была церковь, огороженная железным забором. Обходить не хотелось. Голова кружилась, хотелось быстрее добраться до дома и лечь на любимый диван. Вспомнилось выражение: «Все дороги ведут к храму». А раз так, то можно пройти через церковную территорию. На железной калитке висел замок, и это меня огорчило. Но рядом находился одноэтажный домик с открытыми двумя распашными дверями. Я вошёл в полумрачное помещение. Из боковой внутренней двери появился молодой парень восточной внешности. Предполагая, что он плохо понимает по-русски, я коротко и чётко спросил:

— Я где?

— Ты в морге, — был такой же короткий ответ.

— Ты, приятель, не шути. Я где?

— Ты в морге, — повторил незнакомец.

Присмотревшись к полумраку, я понял, что меня не обманывают.

— Послушай, дружок, мне надо пройти через церковную территорию к троллейбусу сорокового маршрута. А калитка закрыта. У тебя наверняка есть ключ от неё. Открой дверь, пожалуйста.

Я не ошибся. У него действительно оказался ключ.

Сев в троллейбус, я поехал до метро «Старая деревня», чтобы потом пересесть на 154-й автобус. Сидя у окна, под

тёплым осенним солнышком я задремал. И вдруг проснулся от голоса-автомата, который произнёс: «Следующая остановка — Серафимовское кладбище». Я даже вздрогнул от неожиданности. Предлагаемая цепочка: реанимация, морг, кладбище — меня не устраивала. Я даже обратился к высшим силам: «Дайте мне сегодня до дома доехать».

День закончился всё-таки успешно. Доехал до дома, лёг на свой любимый диван. Голова кружилась.

Утром позвонила дочка Маша. Узнав, что я выписался, предложила пойти с десятилетним внуком Костей в Ледовый дворец на концерт, посвящённый Дню учителя.

— В зале будут сидеть одни учителя, а на сцене — одни знаменитости, — убеждала она.

Я поначалу отнекивался, сославшись на головокружение. Но Маша убедила в обратном:

— Если будешь всё время лежать, голова не пройдёт.

Пришлось соглашаться.

Концерт оказался действительно хорошим. Мы с Костей сидели рядом с выходом, и когда выступления закончились, мы первыми вышли в фойе. Надев плащ, я пошёл в туалет. Костя остался ждать у гардероба.

Пристроившись у писсуара, почувствовал, как тяжёлая рука легла на моё правое плечо, и услышал за спиной голос:

— На мальчиков потянуло?

— Подожди, приятель, дай мне закончить своё дело.

Застегнув штаны, поворачиваюсь к мужику и вижу, как его кулак летит мне в лицо. Я среагировал мгновенно: кулак правой руки автоматически вылетел на встречу — в его челюсть. Мужик упал на спину, а я сделал ещё несколько ударов. Возможно, инстинкт самосохранения взял верх над моим сознанием. Происходящее воспринималось сквозь туман. Он и так уже лежал на полу, зачем надо было его добивать?

Выходя из туалета, подумал: «Куда катится мир?! Уже нельзя стало с внуком на концерт сходить! В чём только не уличат! Готовы морду набить!»

Мы с внуком вышли на улицу. Я обратил внимание, что полицейский на выходе внимательно смотрит на мои руки. Взглянув на них, увидел, что правая рука вся в крови. Если б шёл один, без ребёнка, меня непременно бы задержали. Я вспомнил о том, какая большая кисть легла мне на плечо, наверняка это был трудовик, ну не учитель же рисования, с такой-то лапой. И как он в понедельник придёт с разбитым лицом на работу? И что я натворил с человеком? Откуда такая агрессия? В больнице сопли распускал, сам себе был противен, а здесь не сдержался. Уж как-то слишком сильно во мне качается маятник от сопливости до такой агрессии. Видимо, это от психологической неустойчивости, я бы даже сказал, слабости. В своё оправдание посчитал, что всё это связано с болезнью. А может, это издержки третьего возраста? Вот так, наломаем дров, а потом говорим: «Жизнь такая». Где бы найти ответы на все мои жизненные вопросы?

Помня банальную фразу: «Жизнь — это есть движение», — пошёл в спортзал. До больницы я регулярно там занимался. Предположил, что нагрузки буду давать себе дозированно, постепенно их повышая. Начну с беговой дорожки, с медленной ходьбы. Врач в больнице сказал на прощание чётко: «Штангу и бокс забыть, баня — умеренно, вести спокойный образ жизни».

Но всё произошло не так, как я планировал. В зале встретил Гену — своего друга по тренажёрке.

— Володя, привет. Где ты пропадал?

— Привет. В больнице расслаблялся, набирался сил.

— Ты вовремя пришёл, сегодня соревнования по силовому многоборью. Запись заканчивается через десять минут. Исходя из того, какие будут виды, у меня сегодня есть большие шансы выиграть. Поддержи меня, давай записывайся.

Первое соревнование: подняться по канату кто сколько может. Каждый подъем — одно очко.

Второе: жим штанги лёжа. Вес штанги равен весу участника. Один подъем — одно очко.

Третье: подтягивания на перекладине.

Четвёртое: приседания.

Пятое: отжимания от пола. Засчитывается очко, когда участник делает хлопок в воздухе руками и ногами одновременно.

Шестое: толчок двух гирь весом 24 килограмма каждая.

Между упражнениями — две минуты на отдых.

Всего было 19 участников. С нами соревновалась одна девушка — Оксана, чемпионка мира по фитнес-бикини. Для неё были предназначены шестнадцатикилограммовые гири.

На первом упражнении я завис на канате и, как болельщики ни кричали, ни взбадривали меня, не смог подняться даже на один сантиметр. При подходе ко второму упражнению выяснилось, что я вешу 96 килограммов, на штангу повесили такой же вес. Поднимаю. За две минуты трудно восстановить дыхание, но судья торопит. Подтягиваюсь. Судья насчитал 15 раз. Второй судья возражает, говорит записать только 14, так как дрыгнул правой ногой на последнем подъёме. Я не возражал — для всех условия должны быть одинаковы. На следующем упражнении надо было приседать в течение двух минут — три подхода с минутным перерывом. Суммарный результат делился на три. Пятое упражнение требовало хорошей координации. С моими головокружениями это было самое трудное. И наконец, последнее, шестое упражнение: толчок. Я уже был готов отказаться. Руки и ноги тряслись, дышал как паровоз. Но себя подстегнул, решил сделать, сколько смогу. Две гири надо взять с пола, поднять на грудь и толкнуть на вытянутые руки. Затем опустить вниз, немного не касаясь пола, и повторить упражнение. Когда судья отсчитал тридцать подъёмов, кто-то из болельщиков сказал: «Хватит, ты последний выступаешь,

а ближайший результат 22 раза». Этот человек, остановивший меня, по сути, спас мне жизнь. Перед глазами всё плыло, меня качало, схватился за гимнастический поручень, чтобы не упасть, понял только то, что по сумме силового многоборья обошёл Гену. Значит, я не на последнем месте.

С возрастом люди больше дорожат своей жизнью. Не рискуют, осторожничают. Почему я отчасти потерял это чувство? Пропал страх смерти? А откуда этот страх возникает? Из неизвестности того, что нас ждёт после смерти, или природные инстинкты нашего самосохранения?

Здесь уместно вспомнить рассуждения героев Ф.М. Достоевского в романе «Бесы», смысл которых сводится к следующему: страшна не сама смерть, а её ожидание. Возможно, эти слова и хотели прочесть японские узники, приговорённые к казни, когда их спросили о последних желаниях перед смертью. Они пожелали прочесть «Бесов».

Однажды в 1982 году я на улице выпил стакан кваса из бочки. Дома мне стало очень плохо: таблетки и молоко в желудке не задерживались. Лёг в постель, и мне показалось, что падаю на огромной скорости в какой-то чёрный колодец. Затем увидел себя с высоты потолка лежащим на постели. Я спокойно сознавал, что умер. За окном был слышен звук проходящего троллейбуса. В соседней комнате раздавались глухие голоса жены и тёщи. Заметил, что сознание было более чистым, нежели когда я мыслил, будучи живым. Осознал, что рано умер, было бы лучше, если бы это произошло недели на две позднее, так как я обещал нашему инструктору помочь организовать соревнования по туристской технике и ориентированию. И, видимо, вот это невыполненное обещание вернуло меня в тело. Я очнулся от мощного взрыва энергии. Меня пробил пот так мощно, что постель была мокрой, словно кто-то облил её водой. Первая мысль в голове: «Мёртвые не потеют».

И после этого события у меня как-то потускнело чувство страха «жизни после жизни». Это вовсе не значит, что

я стал бы рисковать без необходимости, но тем не менее изменения в моём сознании произошли. И изменения в первую очередь в отношении к самой жизни.

Конечно, люди от науки могут авторитетно сказать, что никакого выхода души из тела нет, это игра нашего сознания. Вспомним старую восточную притчу про слепцов. Один слепой держит хвост слона и говорит: «Слон — это верёвка». Другой держит ногу и утверждает: «Слон — это столб». Третий держит хобот и не соглашается с ними: «Слон — это шланг». Каждый по-своему прав. Но никто из них не осознает слона в целом, так и естественные науки: каждая по-своему права, но не видят целого. Выражаясь языком математики, науки мыслят дифференцировано. Целого им не дано увидеть. А целое, — это можно назвать интегральным мышлением, — дано увидеть только философии и религии. Здесь не должно быть никаких подмен. Было время, когда религия заменяла науку и неудобных ей сжигала на костре. А сейчас наука пытается объяснить мироустройство и подменяет собой религию и философию.

Вспоминаются две истории, произошедшие в конце 1990-х годов. Первая история случилась жарким летом. Я вообще жару переношу очень тяжело, видимо, в прошлой жизни я жил на далёком Севере. После работы, усталый, еле доплёлся домой. Сел на диван. Почувствовал, что во мне нет ни грамма жизненной энергии и до утра мне не дожить. Распахнул рубашку и увидел, что моё тело приобрело какой-то сине-фиолетовый оттенок. Процессы умирания стали заметны, что называется, невооружённым глазом. Хотелось есть, но какая разница — умирать сытым или голодным. Продолжал просто сидеть и ждал, когда улечу в мир иной. Подумалось, что когда за мной приедут, людям будет неприятно забирать моё потное, вонючее тело. Еле передвигаясь по квартире, добрёл до ванной, чтобы привести себя в порядок. Обливаясь, заметил, что стекающая с меня вода окрасила ванну в фиолетовый цвет. И тут вспомнил, что сегодня утром надел новую

фиолетовую рубашку, краска оказалась нестойкой и перешла на моё тело. После принятия душа почувствовал себя бодро и даже весело. Несколько минут назад я мог одной мыслью убить себя, как это сделал отец Анатолий в фильме «Остров». А можно исцелиться силой мысли, как доказал в своих исследованиях академик Г.Н. Сытин.

Вторую историю, которая произошла значительно позже, я не буду рассказывать всю, расскажу только её окончание. Я разговаривал с врачом онкологической клиники после получения всех требуемых анализов.

— Анализы у вас плохие, — доктор говорил тихим, спокойным голосом.

— Скажите, сколько лет мне осталось жить? Говорите прямо, как есть, ничего не скрывая. Я это приму с пониманием, — таким же спокойным голосом пытался говорить я.

— Тут счёт идёт на недели.

— А как лечить собираетесь? Химиотерапия или лучевая терапия?

— Вы поздно к нам обратились.

— А лечиться я буду в стационаре или амбулаторно?

— Вы поздно к нам обратились. Вам надо подойти к врачу районной поликлиники, направившему к нам, он вам всё объяснит.

Я вышел из кабинета. Я всё понимал. Никто меня лечить не собирается. Я запустил свою болезнь. В коридоре мужчина, чуть моложе меня, громко ругался, причём матом. С ним была женщина примерно такого же возраста. Я подошёл к ним и попытался успокоить. Женщина попросила меня побыть с её братом, а сама пошла в кабинет, из которого я только что вышел. Затем мы вместе отправились на остановку. Мужчина продолжал громко ругать врачей, не выбирая выражений.

Оказывается, ему так же, как и мне, сказали:

— Вы поздно к нам обратились.

— Василий, ругай не ругай врачей, их решения не изменить, мы можем только остаток жизни прожить весело, — убеждал я его.

Когда сели в автобус, я рассказал анекдот про то, как заяц просил волка перед тем, как он его съест, дать возможность несколько дней покайфовать. Потом рассказал другой анекдот, потом ещё. Сам рассказывал и сам смеялся. Василий с сестрой не смеялись, и мне казалось, что они в тот момент смотрели на меня как на идиота. Через некоторое время мы втроем уже громко смеялись, даже очень громко. Пассажиры на нас смотрели с осуждением. Знали бы они подоплёку нашего смеха!

Долгосрочных планов уже не было, успеть бы закончить текущие дела. Я стал спешить. Подолгу задерживался на работе, стал наводить порядок в доме. Поехал на выходные к брату Олегу на дачу — там надо было помочь закончить обшивку бани. Олег был мрачнее тучи и ни о какой работе слышать не хотел — ему вырезали почку. Я пытался приободрить его и сказал:

— Олег, не печалься, живут и с одной почкой. У меня всё хуже. По словам врачей, мне осталось жить несколько недель.

— Так ты, может быть, успеешь сделать отлив у бани?

— Я для этого и приехал. Давай инструмент, доски.

Везде я пытался успеть и не успевал. Возможно, и в этом случае незаконченные дела задержали меня на этом свете.

В западном сознании существует понятие: есть начало и есть конец, то есть есть рождение и есть смерть, а дальше ничего, неизвестность. Смерть — это нечто противоположное жизни. Но, исходя из первой истории, выйдя из тела, моё сознание существовало, я продолжал мыслить.

Восточная философия говорит: «Смерть противоположна лишь рождению, а жизнь продолжается».

Вспомнились слова Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и никогда они не сойдутся». А как же Я? На какой стороне Я?

В ГОСТЯХ У КАННИБАЛОВ

Почему-то меня тянет в Африку, и не в какую-нибудь Северную, а в самую что ни есть Центральную. Может быть, это из детства? Завис в подсознании «Доктор Айболит» Чуковского, вот и тянет. По словам Сент-Экзюпери, «мы родом из детства», да и психологи, рассматривая проблему взрослого человека, начинают искать первоисточник в раннем возрасте.

Сел за компьютер и стал искать туры по Африке. Нашёл тур по Уганде. Позвонил в московскую турфирму и стал долго расспрашивать девушку про этот тур. Ничего толком не поняв, я нервно спросил, не могла бы она пригласить к телефону человека, который знает про этот тур более подробно, чем она. Девушка дала мне номер телефона, и я звоню. Мужской голос долго и детально объяснял.

Потом я задаю вопрос:

— Почему у вас в Москве такой странный номер телефона?

На что он рассмеялся и сказал, что я звоню в Уганду. Роман (так звали моего собеседника) коренной москвич, но волею судьбы его занесло в Африку. Он ответил на все интересующие меня вопросы по туру. Всё устраивало. Договорились о встрече.

Теперь осталось дело за малым — найти попутчика. Вот это малое и есть самое трудное. Мужчины хотят загорать на пляже или предлагают сами какие-то варианты, которые меня не интересуют. Одна надежда на женщин. Некоторые согласны за тобой в огонь и в воду, но в Африку, — в страну, где живут племена каннибалов, где, по слухам, даже предыдущий руководитель страны Иди Амин баловался человечинкой, — сагитировать далеко не так просто. Да ещё каждодневные телевизионные новости твердят, что в тех регионах Африки болезнь двадцать первого века Эбола косит местное население. Да и тропическую лихорадку никто не отменял.

С поиском попутчика мне повезло. Позвонил своей знакомой, объяснил, куда ехать, когда ехать и все риски для здоровья и жизни. Уговаривать не пришлось. Надежда сразу же согласилась. «Да... есть женщины в русских селеньях», — подумалось мне.

В Уганду летели с пересадкой в Найроби (Кения), с конечной посадкой в Энтеббе. В аэропорту нас встречал африканец с плакатиком, на котором была моя фамилия латинскими буквами. Ехали в легковом автомобиле, водитель всю дорогу молчал. Кругом была такая нищета, что в голове возник вопрос: «А туда ли мы едем?» Было как-то тревожно: турфирмы в таких трущобах не располагаются. Пришла мысль: или сами хотят съесть, или продадут на мясо в племена каннибалов. Подумалось, что съедят сначала мою попутчицу. А меня заставят быть работником и только потом съедят. И мысль, что съедят не сразу, меня успокоила.

Мы со спутницей приехали последними на место сбора. Хозяин дома и нашего тура Роман собрал всех участников за длинным столом, пояснил программу нашего пребывания в Уганде и ответил на вопросы.

Я, например, спросил:

— Два месяца назад в Уганде был пик заболевания лихорадкой Эбола, как предохраняться?

На это Роман ответил, что полторы бутылки 45-градусного джина в день — и никакая Эбола не страшна. И тут же выставил на стол джин. Мы сразу же приступили к профилактике. Пустые бутылки заменялись полными. Еду к столу подносила жена Романа — красавица-африканка Оливия. Глядя на раскрасневшиеся лица своих новых товарищей, я стал опасаться, что борьба с Эолой может продолжаться за этим столом все две недели, отпущенные на поездку. Туристка Галина схватила стул и стала раскручивать его вертикально, как самолётный винт. Я глядел на неё и думал: что она хочет? Взлететь или разогнать болезнь по углам комнаты?

Посчитав, что свою профилактическую дозу я выпил, пошёл на второй этаж в комнату спать. Утром нас повезли на микроавтобусе в парк, где было много термитников, интересных деревьев и кустов, а также бегало много обезьян с голубыми яйцами.

Видимо, вчерашняя профилактика не прошла бесследно, и я задал Роману дурацкий вопрос:

— Кто это — самцы или самки?

И Роман, нисколько не смутившись, подробно объяснил для всех:

— Все животные, кто имеет яйца, обязательно самцы.

Нам показали издалека дом, где в эпоху политической опалы жил и писал книги Уинстон Черчилль. За свои литературные труды он получил Нобелевскую премию. Захотелось прочесть что-нибудь из написанного им. За что же он получил столь высокую награду? Жилось ему здесь, видимо, неплохо, коль назвал Уганду жемчужиной Африки.

Потом нам показали место, где снимали первый фильм про Тарзана. Каждый, без исключения, повисел на лиане, представляя себя в эти минуты Тарзаном.

Каннибализм у культурных народов вызван голодом, чаще всего это проявляется во время войн или в других экстремальных условиях, когда стоит вопрос о выживании человека, а не в результате расширения кулинарных изысков. Если говорить конкретно об Уганде, здесь уместно вспомнить о традициях. В племени каннибалов мать, родив первого ребёнка, должна его съесть с близкими родственниками. Ребёнок выходит из матери при рождении — и он должен туда вернуться, и тогда последующие дети будут здоровыми. Такова традиция. Жена Романа Оливия поступила мудро: она не стала съедать своего первенца, а сделала кровопускание младенцу и кровь выпила. И традиция была соблюдена, и ребёнок жив-здоров. Сейчас у Оливии родился второй ребёнок. Он прекрасно себя чувствует, и оба малыша радуют своих родителей.

Я пытался расспросить Романа, а ел ли он людей? Сначала он ответил, что не мог нарушить традицию племени. А позже, когда я пытался узнать подробности, Роман разозлился и нервно огрызнулся:

— Что вы все пристали ко мне со своими расспросами, да не ел я людей!

Ранее у меня была возможность быть съеденным местными племенами во время прогулок по джунглям на острове Борнео, в Малайзии.

Но тогда мы никого не встретили из местных диких племён. А несколько лет позднее нашей небольшой группе довелось побывать у двух племён в Папуа — Новой Гвинее. Но наши отношения были дружескими. Мы подарили детям конфеты, а взрослые папуасы показали свой быт, традиции без поедания людей, накормили экзотическими фруктами. Больше всего удивило то, как быстро они добывают огонь: берут сухую травинку толщиной три-четыре миллиметра, закручивают вокруг сухой палки толщиной пять сантиметров и начинают крутить, меняя направление движения. Несколько резких движений, подкладывается сухая трава, раздувается — и огонь готов. Огонь предназначался для костра, на котором собирались жарить поросёнка, только что убитого при нас из лука.

С шести лет мужское население Папуа — Новой Гвинее начинает носить катеки. Катэка — это единственная деталь одежды у мужчин, которая надевается на его достоинство, крепится с помощью верёвок на поясе, мошонка при этом остаётся незащищённой. Самая большая катэка у вождя племени. Интересно, что такая выступающая часть гардероба не мешает в работе. Женщины носят только набедренные повязки, а грудь — свободна от предрассудков.

А теперь хочется вернуться к туру по Уганде. Если я буду описывать, что мы делали, что видели по дням, то это будет отчёт о поездке. А мне хотелось бы поделиться в первую

очередь своими впечатлениями об увиденном, своими эмоциями, а они не могут иметь какую-либо хронологию.

Сначала повезли нас на сафари — скучноватое занятие: посмотрите налево, посмотрите направо... — в общем, знакомство с флорой и фауной Африки. Ночевали в лоджах — маленьких соломенных домиках на двух человек. Над крышей установлена железная бочка с водой. За день вода нагревается, и вечером можно принять душ. Вода самотёком из бочки поступает на сифон. В туалете всё обстоит ещё проще. Садись на... в современных квартирах нечто подобное называется унитазом. Но здесь всё предельно упрощено: вместо смыва водой рядом стоит ведро с негашёной известью и совок. Зачерпываешь совком известь — и туда. Всё сжигается, никаких запахов.

Повезли нас смотреть носорогов. Местный гид знал, где они пасутся, и взялся сопровождать нашу машину. В тени деревьев отдыхали восемь носорогов. Это очень опасные животные весом до трёх тонн, и бежит такая масса по саванне до сорока километров в час, а рогов у него не один, а два. Гид объяснил технику безопасности: в случае опасности надо прятаться в кустах, носороги плохо видят. Одного из животных зовут Обамой, в честь бывшего американского президента, который, как известно, имеет африканские корни.

Я спросил:

— А можно ли назвать одного носорога именем российского президента?

Ответ был прост, что можно, нужно лишь заплатить столько же денег, как и за имя Обама. Я подумал: «Зачем именем нашего президента называть носорога?»

Захотелось сфотографировать животных как можно ближе, а мой фотоаппарат не имеет опции приближения. Остаётся один выход — самому приблизиться к носорогам. Я стал подходить к ним со стороны кустов. До носорогов

оставалось метров пять (мои товарищи позднее сказали, что оставалось метра три, но никто меня не остановил, видимо, все жаждали кровавого зрелища). Увидев меня, один из носорогов встал и сделал медленно два шага в мою сторону. Я рванул в кусты. Хорошо ещё, что фотоаппарат не бросил со страха. Для себя решил: жизнь прекрасна, и рисковать ради фотографии или ещё какой-то мелочи не имеет смысла.

Африканцы считают, что когда мы их фотографируем, то делаем бизнес, публикуя фото в журналах и газетах и получая за это деньги. Поэтому они хотят, чтобы мы делились с ними доходами. Не получив разрешения на съёмку, можно нарваться на неприятности. Мы решили сфотографировать рынок из окна автомобиля, так торговцы чуть не опрокинули наш автомобиль. Наш африканский гид предложил, чтобы я его сфотографировал за пятьдесят американских долларов. В ответ я предложил ему сфотографировать меня. Он похлопал себя по карманам и сказал, что у него нет денег. Я ему объяснил, что денег мне не надо, пусть он сделает фото на мою камеру бесплатно. Он очень обрадовался этому предложению.

Уганда находится на линии экватора, и нас, естественно, повезли к этому географическому символу. Там нам показали физический опыт, от которого я пришёл в замешательство. На подставках стояли три воронки. Первая воронка находилась точно на линии экватора. Африканец наливал воду в воронку из ведра, а кто-то из наших туристов зажимал пальцем узкую часть воронки.

После успокоения водной поверхности палец убирался, и вода ровно стекала вниз без закручиваний. В пяти метрах к северу и в пяти метрах к югу, то есть в Северном и Южном полушариях происходило совсем иное: вода в воронках закручивалась в разные стороны. Ничего не понял.

Я понимал, что силы Кариолиса в разных полушариях Земли закручивают воду в разные стороны. Но тут всего

пять метров от экватора! Как могут эти силы влиять? Мы все понимали: африканец нас дурит. Но как? Видя, что мы не верим в опыт, африканец бросил воронки и ушёл к себе. Уже без него мы пытались повторить опыт, но всё без изменений. По-прежнему вода крутилась по стрелкам, указанным на воронках. И тут мне пришла идея: я высказал предположение, что незаметно для глаза в воронке сделаны желобки по архимедовой спирали, которые и создают направление закручивания воды. Поэтому предложил поменять местами воронки Южного и Северного полушарий. Поменяли, но вода как закручивалась в определённом направлении, так и продолжала это делать, то есть уже против направления нарисованных на воронках стрелок. Моё разоблачение экваториальных фокусов не состоялось.

Мы не хотели сдаваться и пытались найти, в чём же тут подвох. И тут мне пришла совсем уж нежизнеспособная идея: надо поменять места установки воронок, объяснив это тем, что наш африканский друг установил в земле электромагнитный определённо направленный контур, который и задаёт движение воды. Но опять все наши попытки разоблачения ни к чему не привели. Да и сейчас, когда пишу эти строки, хочется вернуться в Уганду или другую экваториальную страну и разобраться в этом вопросе, но приехать уже со своими воронками.

Нашим гидом по Уганде была девушка по имени Анита. Она путешествовала по этому маршруту впервые, полностью доверившись описанию, которое составил Роман. Первое впечатление об Аните было такое, что это «...кошка, которая гуляет сама по себе». Позднее это подтвердилось. Немного поработав у Романа, она уехала сниматься в Голливуд.

По туру нам предстояло пройти минут 15—20 по тропинке и добраться до деревни, где живут кузнецы, и вживую посмотреть, как они будут ковать железо молотком. Фактически до этой деревни мы шли часа три, но всё же дошли —

и увидели под навесом работающего человека. Показалось странным то, как работал кузнец. Он сидел на камне и бил по стальной заготовке, вместо наковальни был камень. Слева от него был огонь, с помощью специальных мехов подавался воздух и усиливал температуру горения.

Кузнецу работать сидя, на мой взгляд, совсем нерационально, можно быстро устать. Но я не кузнец, и не мне его учить кузнечному делу.

Я и Андрей из Нижнего Новгорода решили пойти назад раньше группы, так как мы шли медленнее всех. Представив свои доводы Аните и получив от неё согласие, мы двинулись в обратный путь, надеясь, что скоро наша основная группа нас догонит. Но никто нас не догонял, а прошло уже более часа. Я стал высказывать опасения Андрею, туда ли мы идём, по той ли дороге. Все дома одинаковые, люди тоже. Женщины показывали на нас руками и громко смеялись, мужчины очень внимательно рассматривали, ребята гурьбой бегали вокруг нас, ухали и щипали меня. Андрея, видимо, боялись, так как он высокий и толстый. Я предложил идти назад, в ту точку, где мы расстались с группой. Они, не догнав нас, должны вернуться тоже в ту же точку, таков закон потеряшек. Андрей долго сопротивлялся, с его полнотой возвращаться назад — нелёгкое занятие. Но мои доводы оказались убедительными, и он согласился. Мы устало и нехотя пошли назад. Примерно два километра за нами бежали мальчишки, ухали и корчили физиономии. Своими щипаниями они стали меня злить, я жестами просил этого не делать, но их это только заводило. Я сделал предположение, что в этой деревне жители впервые видят белых людей. Андрей со мной согласился. Поведение взрослых и детей говорило об этом. Позднее и сам Роман согласился с нашим мнением, сам он не был там.

Мы пришли на место, где расстались с группой. Там ждали наши товарищи. Они пошли в обратный путь и, пройдя

какое-то время, не догнав нас, поняли, что мы пошли по другой дороге. Решив, что рано или поздно мы сообразим о своей ошибке и вернёмся на место расставания, они отправились на исходную точку.

К счастью, всё закончилось хорошо, с товарищами мы воссоединились, а самое главное — меня и Андрея не съели. Именно такие мысли возникали у меня вечером при анализе пройденного дня.

Необычной оказалась поездка к пигмеям — маленькому народу, рост которого не превышает 140 сантиметров. Если ничего в их жизни не изменится, народ этот скоро исчезнет. Стариков мы там не увидели, продолжительность жизни невысокая, да и детей не слишком много. Они живут в маленьких домиках без дверей. Я зашёл в один из домиков, в темноте на топчане лежал мужичок, судя по всему, уже накурившись травки или пьяный, хотя была середина дня.

Цивилизация не проходит мимо них в той степени, что на них не набедренные повязки, а штаны, правда, рваные даже у самого короля. Я купил подарки для детей — шоколадки «Алёнка», но раздать их не удалось. Старший из детей вырвал у меня из рук пакет, ватага мальчишек побежала за ним. Взрослые предлагали купить у них какие-то дурацкие поделки. Наш приезд для них, видимо, был праздником, нечасто сюда заезжают белые люди.

Под ритмичные удары барабана пигмеи стали водить хороводы, притоптывая ногами о землю. Впереди всех двигался король с копьём в руках. Я не удержался и присоединился к королю и тоже в ритме музыки стал выплясывать, поднимая руки вверх, ведь нечасто приходится танцевать с королями.

Приход цивилизации к диким народам зачастую не несёт им ничего хорошего, ведёт к их исчезновению. Примером могут служить американские индейцы, и не только они. Почему такие народы перенимают от цивилизации самое

худшее? Может быть, это худшее более доступно для восприятия?

Россия — великая страна, великая история, великая культура, великий народ. Западная цивилизация несёт много хорошего. Но мы берём от них так много плохого, которое унижает наш народ. Вместо того чтобы по телевидению показывать добрых, хороших, интересных людей, рассказывать об их судьбах, показывают в рейтинговое время на разных каналах шоу про семейные дразги, алкоголиков, падших людей. А в качестве экспертов, кто учит нас жить правильно, привлечены молоденькие певицы-актрисы, которые по роду основной работы поют-говорят чужие тексты.

Самое интересное, самое яркое организаторы оставили на конец тура — рафтинг по Белому Нилу. Он входит в пятёрку лучших рафтингов мира. Если кто-то не знает, поясню: Белый Нил протекает по территории Уганды, Голубой Нил — по Эфиопии, в дальнейшем они соединяются и образуют Нил.

При записи на рафтинг нам предложили два вида сплава: простой и экстремальный. Мы записались на экстремальный.

Рафт (надувная лодка) вместил нас, шестерых туристов, и капитана-рулевого африканца. Надели спасательные жилеты и погребли по озеру, откуда Белый Нил берёт начало. Предстояло пройти восемь порогов, один из них третьей категории сложности, другие — четвёртой и пятой (пятая категория — высшая спортивная категория порога).

Потом вдруг наш капитан сказал, чтобы мы все прыгнули в воду. Я пытался протестовать, сказал, что в озере могут быть крокодилы. Африканец посмотрел по сторонам и ответил, что пока их не видит. Прыгнули за борт, поплавали, проверили, как держат спасжилеты. Затем наш капитан помог нам взобраться на рафт и рассказал, какие он будет давать команды и как мы должны действовать.

Впереди зловеще грохотал порог. Капитан чётко сказал: «Впереди порог пятой категории сложности, входим в порог, затем поворот под девяносто градусов вправо, проход по прямой и поворот под прямым углом влево, входим в «бочку». «Бочка» — это встречный и косой валы, которые образуются в результате слива воды вниз. Обычно в «бочках» лодки и переворачиваются. И мы мощно погребли, набирая скорость, потому что, имея движение рафта, можно управлять им. Но на первом же повороте то ли мы что-то сделали не так, то ли рулевой «проспал» — врезаемся и зависаем на камне. Хорошо, что не перевернулись, а то бы поплыли кверху брюхом все оставшиеся пороги. Но в дальнейшем мы сделали то, что надо и, раскачав рафт, соскочив с камня, успев набрать скорость на небольшом расстоянии, «прострелили бочку». Несмотря ни на что, успешное прохождение первого порога нас вдохновило.

Следующий порог третьей категории сложности прошли спокойно, без суеты и нервогрёпки. Но наш африканский капитан-рулевой делает странный маневр влево и подводит правый борт рафта под слив порога. Я скомандовал: «Правый борт загребай вперёд, левый — тормози!» Мне стали возражать, ведь капитан сказал, что гребём все вперёд. Я ответил, что он хочет нас перевернуть, и я знаю, что говорю. Возможно, что я так убедительно говорил, но поверили мне, а не капитану. И, когда капитан захотел повторить маневр, я вновь скомандовал, все без возражений чётко сработали, и мы не перевернулись.

Потом наши туристы поняли, что произошло, и стали обсуждать, зачем наш африканский друг хотел нас перевернуть. Я ответил на их рассуждения: «Мы записались на экстрим, вот он и хочет сделать нам экстрим, и давайте на следующих порогах будем внимательнее — вдруг у него желание нас перевернуть не пропадёт».

Впереди вновь гремел порог. Наш капитан молчал. Набрали скорость и входим в «бочку». Стоячий вал высотой с трёхэтажный дом (так мне в тот момент показалось) мощно захлестнул полностью наш рафт.

«Прострелив бочку», кричу:

— Смотрим! Все ли на месте?

И тут же отвечаю:

— Нет Лёши! Ищем Лёшу!

Лёшу поймали сзади рафта, вытащили.

Кто-то из туристов спрашивает:

— Где ты был?

В экстремальных ситуациях все люди проявляют себя по-разному — одни мобилизуются, и поведение их соответствует обстоятельствам; другие теряются и ведут себя неадекватно, могут в том числе задавать дурацкие вопросы.

Лёша сказал, что под действием удара волны его выбило из рафта и пронесло под лодкой.

Неугомонный наш турист снова спрашивает:

— И как там?

На что Лёша ответил:

— Прыгни — узнаешь.

Не успели опомниться от этого порога, как впереди услышали рокот следующего. Набираем скорость и врезаемся в стоячий вал, который мощно бьёт в грудь. Впереди сидящий гид Анита рыбкой вперёд вылетела из лодки.

Кричу:

— Слева по борту ловим Аниту!

Вытащили нашего начальника и продолжаем движение.

У одного непроходимого порога все рафты обносят по берегу, и дальше опять в путь.

Здесь хочу заметить, что мы плыли по реке не сами по себе. С воды была хорошо организована страховка: один хорошо гружёный рафт, что делает его особенно устойчивым (именно такой термин используется в морском деле)

и несколько каяков. Работой каякеров можно наслаждаться — их лодки сверкали в лучах солнца, движения гребцов были отточенными, изящными. Они умудрялись удержаться на косом валу и делать при этом «эскимосские перевороты» (перевернуть каяк днищем кверху и снова встать на воду).

С перевёрнутых рафтов они собирали людей и снова возвращали в лодку.

Идущий позади нас рафт с туристами из Израиля умудрился перевернуться три раза и, несмотря на это, они не закончили сплав, а мужественно прошли все восемь порогов.

И вот последний порог, по шуму он кажется самым мощным. Как обычно, набираем скорость, чтобы «прострелить» стоячий вал, но на спуске наш капитан-рулевой разворачивает рафт, и мы уже боком входим в «бочку». Сильный удар — и мы оказываемся под перевёрнутой лодкой. Из прошлого опыта занятий водным туризмом я знал, что при перевороте нельзя терять весло и лодку. И это происходит уже бессознательно, автоматически.

У рафта оказались трое: Лёша, Анита и я. Рядом плавала моя спутница Надежда, голова запрокинута вверх, глаза закрыты, волны захлёстывали её лицо, она, фыркающая, сплёвывала воду. Я понимал, что её надо спасти, долго так не протянет. Но тут увидел спасательный рафт, который подплывал к ней, и переключился на свою лодку.

Анита сказала: «Брось весло, спасатели подберут. Надо переворачивать рафт». Я так и сделал, и мы втроём, раскачивая, перевернули лодку. Почему-то я на воде оказался один. Пытаюсь влезть в рафт, но дважды попытки оказываются неудачными. Мокрая одежда тянет вниз. С третьей попытки всё-таки влез. Начал искать на воде своих товарищей. Первым после меня влез по распущенной на воде верёвке наш капитан. Потом мы вдвоём затаскиваем в лодку Аниту и Лёшу, остальных подобрали спасатели.

Я спросил Лёшу и Аниту:

— Почему я вас не видел, после того как мы поставили рафт на воду?

Они объяснили, что, оказавшись под днищем, немного растерялись — не хватало воздуха. Поток воды их вынесло из-под лодки.

Но самое главное, что никто не пострадал и все получили удовольствие, добавив при этом, что второй раз они не пойдут сплавать по Белому Нилу никогда и ни при каких условиях.

В последний день повезли нас на рыбалку на озеро Виктория. Про себя подумал, что где я только не ловил рыбу: в Тихом и Индийском океанах, в Балтийском и Чёрном морях, в Ладожском и Онежском озёрах, так что и здесь, в Африке, на озере Виктория, тоже ничего не поймаю. Так и получилось: африканские товарищи поймали, Лёша поймал две рыбёшки, а я, как всегда, ничего не поймал.

Вот и закончилось путешествие по Уганде — по стране, где живут ещё каннибалы, где нам довелось с ними общаться, где солнце в течение года восходит в семь утра и заходит в семь вечера, где много-много диких обезьян.